

9897
С.Т.

211. 7459 23289
1938 г.
Проверено
М. С. 592

СОБРАНИЕ ПИСЕМЪ

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ УЛОЖЕНІЯ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ, СЪ ПОЯСНИ-
ТЕЛЬНОЮ КЪ НЕМУ ЗАМѢТКОЮ С. Т. АКСАКОВА, СЪ ПОРТРЕТОМЪ
ЦАРЯ И СНИМКАМИ ЕГО ПОЧЕРКА.

ПРОВЕРЕНО
1966

ВЪ ЖИВЕНІЕМЪ

К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

ИЗДАТЕЛЬ

Петръ Барменевъ.

ОРЕНБУРГСКАГО НЕПЛИЕВСКАГО
КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

1245

Александр

4.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЬЕ.

1856.

ОРЕНБУРГСКАЯ
Центральная научная
библиотека
№ 11000
[...]

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА КЪ УРЯДНИКУ.

С. Т. АКСАКОВА.

Желая сколько нибудь пособить объясненію нѣкоторыхъ мало понятныхъ словъ, выраженій и названій въ книгѣ : «урядникъ сокольниковъ пути», относящихся къ соколиной охотѣ съ хищными птицами, нынѣ приходящей въ совершенное забвеніе (*), я предлагаю мои примѣчанія на вышесказанную книгу и расскажу все, что знаю о соколиной охотѣ, по наслышкѣ отъ старыхъ охотниковъ и—какъ самовидѣцъ.

Очевидно, что первое мѣсто въ великолѣпной соколиной охотѣ царя Алексѣя Михайловича, занимали «кречета»: сначала упоминается просто «кречеть», потомъ «кречатій челигъ» или «чегликъ», какъ его теперь называютъ охотники, то есть сначала говорится о самкѣ кречатьей, которая всегда бываетъ крупнѣе и сильнѣе, а потомъ о самцѣ, о челигѣ, уступающемъ ей въ силѣ, но превосходящемъ въ рѣзвости полета. Кречеть птица очень мало извѣстная: ее знаютъ только по слухамъ или изъ книгъ, но я видѣлъ въ моемъ ребячествѣ двухъ кречетовъ, уже не молодыхъ,

(*) Я не называю соколиной охотой травлю утокъ соколами, до сихъ поръ продолжающуюся у Башкирцевъ Оренбургской губерніи; они портятъ высокую природу сокола, приучая его, не забираясь вверхъ, ловить утокъ почти въ угонъ, по ястребиному.

которые доживали свой вѣкъ у моего отца, бывшаго нѣкогда страстнымъ охотникомъ до ловчихъ птицъ. Кречетъ перомъ почти бѣлый; стати всѣ имѣетъ соколиныя, величиною даже поменьше сокола утятника. Онъ очень красивъ, особенно потому, что чудесные черные соколи глаза его кажутся еще чернѣе и блестятъ еще ярче отъ бѣлаго цвѣта его перьевъ. Я не видѣлъ этихъ кречетовъ въ полѣ, то есть въ дѣлѣ, въ охотѣ; но мнѣ рассказывали ходившіе за ними охотники, что оба кречета (оба самки) ловили чудесно, и что они бьютъ птицу по соколиному, устремляясь на свою добычу сверху въ низъ. Очень помню, что оба кречета жили въ одной большой клѣткѣ, загороженной изъ честокола на родниковомъ ключѣ и что въ жаркое время кречета сидѣли, погруживъ ноги въ холодную воду. Охотники объясняли мнѣ, что кречетъ птица Сибирская, о чемъ упоминается не одинъ разъ въ книгѣ «соколинаго пути», что онъ чувствуетъ такой жаръ и зудъ въ ногахъ, что въ лѣтнее время безъ холодной воды жить не можетъ; что станеть щипать и рвать носомъ свои пальцы и такъ ихъ изранить, что наконецъ околѣеть. Я не утверждаю этого разсказа, а передаю только что слышалъ. Тѣ же охотники рассказывали мнѣ, что у моего отца бывали нѣкогда «дербники» или «дробники». Не объ нихъ ли говоритъ книга «соколичья пути» слѣдующими словами: «Угодительна же и потѣшна дермлиговая перелазка и добыча»? По словамъ старыхъ охотниковъ дербникъ бываетъ очень малъ, не болѣе копчика и соединяетъ въ себѣ свойства сокола и ястреба, то есть бьетъ пти-

цу сверху и ловить въ угонъ; что на травлю всегда пускаютъ двухъ дербниковъ, что ими травятъ только мелкую птицу и что самая веселая охота напускать ихъ на жавронокъ въ то время, когда жавронокъ самъ поднимется высоко отъ земли: одинъ дербникъ бьетъ его сверху въ низъ, а другой, не допуская садиться, подбиваетъ снизу въ верхъ; что эта потѣха продолжается иногда нѣсколько минутъ, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ дербниковъ поймаетъ добычу. Для охотника это зрѣлище должно быть въ высшей степени восхитительно. Что же касается до словъ: «Добро-видна же копцова добыча и летъ», то я долженъ повторить то, что сказано мною въ Запискахъ ружейнаго охотника.

Если случится ѣхать лѣсистой дорогою, черезъ зеленые перелѣски и душистыя поляны, только что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышинѣ копчикъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо не подалеку, то обыкновенно сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, плавая надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небесной. Онъ сторожитъ изумительно зоркими своими глазами: не вылетитъ ли какая-нибудь маленькая птичка изъ подъ ногъ лошади или человѣка. Съ быстротою молніи падаетъ онъ изъ поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успѣетъ упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или куста, то копчикъ вонзитъ въ нее острые когти и унесетъ въ гнѣздо къ своимъ дѣтямъ. Если же не удастся схватить добычу, то онъ взмоетъ въ верхъ крутой дугою, опять сдѣлаетъ *ставку* и опять упадетъ внизъ, если снова поднимется та же птич-

ка, или будегъ испугана другая. Копчикъ бьетъ сверху, черкаетъ какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ. Иногда случается, что отъ большихъ дѣтей вылетаютъ на ловлю оба копчика, самка и чегликъ, и тогда они могутъ позабавить всякаго зрителя и неохотника. Нельзя безъ пріятнаго удивленія и невольнаго участія смотрѣть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человѣку какъ — то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Такъ хорошъ, изященъ, увлекателенъ процессъ этой ловли, что непременно желаешь успѣха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то онъ сейчасъ уноситъ добычу къ дѣтямъ, а другой остается и продолжаетъ плавать надъ человѣкомъ, ожидая и себя поживы. Случается и то, что оба копчика, почти въ одно время, поймаютъ по птичку и улетятъ съ ними; но черезъ минуту одинъ непременно явится къ человѣку опять. Копчикъ загадочная птица: на волю ловитъ чудесно, а ручной ничего не ловитъ. Я много разъ пробовалъ *вынашивать* копчиковъ (тоже что дрессировать собаку) и гнѣздарей и слетковъ; выносить ихъ весьма легко: въ три, четыре дня онъ привыкнетъ совершенно и будетъ ходить на руку, даже безъ *вабила* (кусокъ мяса); стоитъ только свистнуть, да махнуть рукой, стоитъ копчику только завидѣть охотника или слышать его свистъ — онъ уже на рукѣ, и если охотникъ не протянетъ руки, то копчикъ сядетъ на его плечо или голову, — живой же птички никакой не беретъ. Эта особенность его известна всѣмъ охотникамъ; но я не вѣрилъ, пока мно-

гими опытами не убѣдился, что это совершенная правда. Потерявъ всякую надежду, чтобы копчикъ сталъ ловить, я обыкновенно выпускалъ его на волю, и долго видѣли его летающаго около дома и слышали жалобный пискъ, означающій, что онъ голоденъ. Получалъ ли копчикъ прежнюю способность ловить на волю, или умиралъ съ голоду, — не знаю.

Къ этому надобно прибавить, что уже было также мною сказано, то есть, что охотники у царя Алексѣя Михайловича умѣли вынашивать копчиковъ, что ими травили и что *ловъ и летъ* копцовый безъ сомнѣнїя были добровидны.

Слѣдующія строки, когда поставляютъ нововыборнаго: «И взявъ его тѣ рядовые два сокольника Никитка и Мишка подъ руки, поставляютъ *на поляновъ*» (въ другомъ мѣстѣ на поляново) заставляютъ меня думать, что *поляново*, состоящее изъ сѣна, покрытаго попоной, представляетъ эмблематически поле или лугъ, заросшій травою.

Слово *ващага*, употребленное такъ: «Федька Кошелевъ держитъ вабило; второй поддатень, Наумка Петровъ держитъ ващагу», наводитъ меня на мысль, что это есть ничто иное, какъ сумка, въ которую кладется вабило и которая теперь называется *вѣцегъ*; вѣроятно эта сумка дѣлалась изъ матерїи, пропитанной воскомъ для того, чтобы кровь отъ вабила не марала платья, а потому и называлась *ващагой*. — Считаю не лишнимъ рассказать все, что я видѣлъ и помню въ соколиной охотѣ. Сокола бываютъ трехъ породъ; большіе, средніе и малые. По цвѣту перьевъ называютъ ихъ сѣрыми и черными. Обыкновенно охо-

та производится слѣдующимъ образомъ : охотники , съ однимъ или двумя соколами, разумѣется хорошо выношенными , ѣздятъ по полямъ , по рѣчкамъ или около небольшихъ озеръ ; усмотрѣвъ издали птицу, сокола *бросаютъ съ руки*, и онъ сейчасъ начинаетъ всходить кругами въ верхъ; когда же онъ взойдетъ до извѣстной своей высоты, птицу *поднимаютъ*, спускаютъ, и соколъ, какъ молнія, падаетъ на нее съ неба. Сокола стараго и *умнаго* (глупыхъ бываетъ не мало) (*) спускаютъ съ руки сейчасъ по выѣздѣ въ поле; онъ возметъ умѣренный верхъ и *идетъ имъ* впереди охотниковъ, самъ высматриваетъ добычу и едва завидитъ—вдругъ начинаетъ подниматься выше и выше надъ самою птицею: слѣдовательно самъ и укажетъ охотникамъ добычу. — Лучшимъ соколомъ считается тотъ, который высоко ходитъ и, взобравшись кругами въ поднебесье, дѣлаетъ тамъ *ставку*, то есть становится неподвижно въ воздухъ, не поднимаясь уже къ верху. Въ это время охотникъ спускаетъ птицу съ воды или съ хлѣбнаго поля , что я уже и сказалъ. Самый лучший соколъ, что называется перваго сорта , очень рѣдко попадающійся охотникамъ , не станетъ бить птицы, пока не взойдетъ въ верхъ на свою настоящую определенную высоту. Плохой же соколъ летаетъ на кругахъ низко, ставки не дѣлаетъ и какъ скоро увидитъ птицу

(*) У отца моего перебывало до ста соколовъ, и только четверыхъ называли умницами. Глупымъ называютъ только такого сокола, который *верху не держитъ*, и сейчасъ бросается за всякой дрянной птицей.

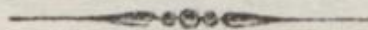
сейчасъ на нее бросается , схватываетъ когтями и опускается на землю, слѣдовательно тутъ нѣтъ никакого удовольствія для охотника. Соколиная охота по преимуществу благородная охота. Тутъ дѣло идетъ не о добычѣ; не о числѣ затравленныхъ гусей или утокъ, тутъ охотники наслаждаются рѣзвостію и красотою соколинаго полета или, лучше сказать, неимовѣрной быстротой его паденія изъ подъ облаковъ , силою его удара. Въ народѣ говорятъ , что соколъ бьетъ птицу грудью, и при первомъ взглядѣ это покажется справедливымъ; соколъ бьетъ свою добычу крѣпкими пріемными когтями своихъ заднихъ пальцевъ, которые онъ очень искусно складываетъ вмѣстѣ, а какъ въ это время ноги его бываютъ прижаты къ груди, то дѣйствительно можно подумать, что онъ бьетъ птицу грудью. Пріемные когти бываютъ такъ остры и крѣпки , ударъ такъ силенъ , что если попадетъ по утиной шеѣ, то иногда перерѣзываетъ ее пополамъ: голова отлетитъ въ сторону, и утка падаетъ обезглавленной. Если ударъ придетъ по крылу, то такъ его повреждаетъ, что птица не можетъ уже летѣть ; если же ударъ сложныхъ когтей угодитъ вдоль утки, то разрѣжетъ ей всю спину отъ рѣпицы до шеи и заворотитъ кожу на сторону ; пухъ и перья полетятъ по воздуху, и ошеломленная утка, перевертываясь, какъ кубарь въ воздухъ, падаетъ на землю; соколъ взмоетъ вверхъ, увидитъ, гдѣ упала его добыча, и прямо уже опускается на нее. При соколиной охотѣ необходимо, чтобъ охотники были верхами. Ударъ сокола съ такой высоты, что едва можно разглядѣть его , какъ темное

пятнушко, стоящее въ небѣ, бываетъ иногда очень косвенный (діагональный), и соколъ можетъ свалиться съ добычей даже за полверсты и болѣе, и потому надобно скакать туда, чтобъ немедленно отыскать его, пока онъ не успѣлъ набѣсться и сдѣлаться негоднымъ къ продолженію охоты; при травлѣ же гусей поспѣшность еще необходимѣе: когда соколъ вышибетъ одного гуся изъ стаи, — иногда повтореннымъ ударомъ, если первый окажется недостаточнымъ, — и опустится на него или свалится съ нимъ на землю, то вся стая гусей бросится на помощь погибающему товарищу и, если охотникъ не подоспѣетъ, то гуси своими крыльями и носами не только изуродуютъ сокола, но даже забьютъ до смерти.

Послѣ всего сказаннаго мною будетъ еще понятнѣе, какъ вѣрно и живописно нѣсколькими словами изображенъ соколъ въ «Новомъ уложеніи и устроеніи чина сокольничья пути:» «Красносмотрителенъ же и радостенъ високаго сокола летъ.»

С. Аксаковъ.

1855 г. Декабря 15.

ПЕРСОНА ЦРЯ АЛЕЗЕЯ МИХАЙЛОВИЧА.

за въздѣла сѣхто сѣрѣвѣхъ
за о мѣнта сѣр о сѣрѣвѣхъ
за о пѣши ромнѣ о б о б ѣ м ѣ

